

О. Н. Трубачев

НАБЛЮДЕНИЯ ПО ЭТИМОЛОГИИ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЛОКАЛИЗМОВ
(СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ 48—52*)

ПАМЯТИ МАКСА ФАСМЕРА
(1886—1962)

Исследования состава лексики славянских языков по мере накопления фактов показывают многочисленность так называемых локализов — слов ограниченного распространения, нередко известных лишь в пределах одного языка или части его диалектов. В каждом славянском языке есть слова, известные только ему, но среди них огромное большинство — продукт позднего развития, и такие слова не представляют большого интереса для славянского языкознания в целом. Естественно, что лексические локализы каждого отдельного славянского языка неоднородны. Среди них есть такие локализы, которые имеют большую важность в глазах специалиста по сравнительно-историческому изучению славянских языков. Это образования значительной древности, часто — современные эпохе существования праславянских диалектов. Существенно также, что это, как правило, образования, изолированные в словаре соответствующих славянских языков, с несколько неожиданными связями в отдаленных славянских языках или вообще за пределами славянской языковой семьи. Их обособленность повышает значение их свидетельств и отношений, их вскрываемой структуры.

Своеобразие разбираемых ниже случаев заключается в том, что их этимологизация, насчитывающая к настоящему времени определенную литературу, строится на презумпции *п о л н о й* *и з о л и р о в а н н о с т и*, а наше исследование вскрывает до известной степени мнимый, или относительный, характер этой изолированности, ставит вопрос о связях и новых аспектах отношений, но не снимает, впрочем, и тезиса об изолированности, трактуя ее как вид лексических связей в историческом плане. Нижеследующие заметки вводят в обиход этимологии некоторые новые факты, позволяющие прийти к однозначным этимологическим решениям для части слов. Впрочем, и по тем словам, по которым окончательное решение остается пока проблематичным, этот аспект модифицируемой изолированности лексических ло-

* Продолжение серии, публиковавшейся в «Вопросах славянского языкознания», «Этимологических исследованиях по русскому языку», «Zeitschrift für Slawistik», «Этимологии» и др. изданиях.

кализмов оказывается удобным и открывает дополнительные возможности для эксперимента в этимологии.

В первых двух из нижеследующих заметок (№ 48, 49) нами оспаривается принимаемое в существующих этимологиях местное неславянское (субстратное или адстратное) заимствованное происхождение соответствующих слов. Контраргументом служат новые словарные данные. В этюде № 48 речь идет о глагольно-именной паре **gaziti—*gazъ*, комплектно представленной в южнославянских языках и частично — в некоторых восточнославянских диалектах (имя **gazъ*), при отсутствии в остальных восточнославянских диалектах, а также других славянских языках. Ввиду сомнительности заимствования из других балканских, в том числе — древних субстратных языков выдвигается мнение об общем архаизме ряда праславянских диалектов. Новые словарные данные, таким образом, в силу своей специфики (непредвиденное наличие в отдаленных и не контактирующих диалектах, изолированное, в свою очередь, положение новых данных в их конкретном языковом окружении) приводят к тому, что существующая интерпретация не дополняется, а в корне меняется. В этюде № 49 восстанавливается глагольно-именная пара **narpъtati—*narpъtъ / *narpъta*. Эти ясные (в реконструированном виде) отношения сохранились в более остаточном, реликтовом состоянии, чем разобранный выше пара. Имя **narpъtъ / *narpъta* сохранил только церковнославянский (русская редакция), глагол **narpъtati* засвидетельствован только в чешском. Бесспорный характер связи, разные прочие яркие моменты (напр. уникальный глагольный вокализм) заставляют решительно отказаться от мысли о заимствовании церковнославянского имени из германского.

Этюд № 50, в отличие от предшествующих, трактует о редком, старом слове, которое вообще засвидетельствовано только в русско-церковнославянском и не обнаруживает ни именных, ни глагольных соответствий в известных нам материалах по лексике других славянских языков и диалектов. Классически изолированное слово оказывается, к тому же, семантически темным. Семантическая его неясность компенсируется, однако, незатемненностью его фонетической формы, которая делается очевидной в результате впервые выдвигаемого здесь сближения с кельтским. Опираясь на хорошую сохранность фонетической формы, позволяющей провести сравнение с отдаленнородственными языками, предпринимаем попытку семантической реконструкции для праслав. диал. **brusna*.

Совсем иной случай описывается в этюде № 51, где на примере чешского и белорусского слов рассматриваются лексемы с тождественным словообразованием и значением в неконтактирующих диалектах. Своеобразие случая: ясность словообразования при одновременной изолированности в конкретном языковом окружении. Парадоксальность случая проявляется в том, что изолиро-

ванность образования даже при наличии ясной структуры порождает спорные или противоречивые толкования. Другая ложная аксиома заключается в понимании ясной структуры как презумпции позднего образования. Применяемое здесь сравнение одной изолированной формы с другой, также изолированной и словообразовательно ясной, приводит к удревнению относительной хронологии вскрываемого общего образования (**perestъjь*).

Заключительный этюд № 52 содержит новое сравнение русского слова *коромысл* / *коромысло* и своеобразной родственной формы в одном отдаленном славянском диалекте. Сравнение делает единственно возможной реконструкцию праслав. **kъrmyslъ* / **ĕrmyslъ*, причем обе формы на праславянском уровне надлежит трактовать как варианты практически одного слова; лексикализовавшееся впоследствии расщепление **kûrmyslŭ* / **kîrmyslŭ* носило до I палатализации чисто фонетический характер. Изолированное и темное русское слово не удаётся окончательно разъяснить и после перспективного отождествления его с другим изолированным славянским диалектным реликтом. (Причина отчасти — в нашем неполном знании процессов славянского словообразования.) Однако свидетельство древнего фонетического варианта позволяет ограничить число возможностей интерпретации русского слова, придать ему более строгое формальное толкование. Так, в результате отпадают как неверные этимологии русск. *коромысл(о)* от якобы древних форм **коро-*, **коло-*; элемент *-м-* типологически интерпретируется как древний суффикс-детерминатив основы, а не начало какого-то второго корня сложного слова, следовательно, все образование в целом обретает смысл суффиксального производного, а не двусосновного сложения; словообразовательное членение, вскрываемое при этом: **кърм-ыс-л-*. Морфологически старший тип: *коромысл*, мужского рода.

48. Праслав. диал. **gaziti* — **gazъ*

Эти древние формы реконструируются, в первую очередь, на основе следующих слов живых славянских языков: болг. *gāza* 'ходить по воде, по траве, золе и т. п., ступать, погружая ноги', 'переходить вброд (реку)', 'топтать'¹, макед. *гази* 'наступать, топтать', 'идти, ходить, ступать', 'идти вброд'², сербохорв. *gāziti* 'переходить вброд', 'наступать, попирать', *gāz* м. р. 'брод'³, причем имя, по данным словаря Югославянской Академии, засвидетельствовано с XIV в., а глагол — с XVI; словен.

¹ БТР, стр. 88.

² Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Сост. Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски, ред. Б. Конески. I. Скопје, 1961, стр. 91; Д. Толовски и В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. Под ред. Н. И. Толстого. М., 1963, стр. 69.

³ К а р а ц и h s. v.; RJA D. III, стр. 116 и след.

gáziti 'переходить вброд', 'идти по грязи, по снегу', *gâz* м. р. 'тропа', 'тропинка в снегу', *gâz* ж. р. то же, *gâza* ж. р. с тем же значением ⁴.

Для правильных суждений об этих словах нужно иметь в виду, что к реконструируемым нами праслав. **gaziti*, **gazъ*, с их семантикой 'брод', 'идти вброд' не относятся словен. диал. *gáziti se* 'возбуждать отвращение (напр. о еде)' ⁵. Это последнее слово связывали с блр. *agázny*, *agázlywy* 'надоедливый, озорной' ⁶, что, как увидим далее, верно, но само по себе недостаточно и нуждается в разъяснениях. Словен. *gáziti se* 'возбуждать отвращение', по-видимому, этимологически тождественно русск. диал. (тульск.) *gazítъ* 'ломить' ⁷; оба слова можно объяснить как продолжение (и упрощение) древнего **gazditi* < **gad-diti*, экспрессивного образования с удвоением согласного и последующей диссимиляцией, ср., далее, родственное русск. *gázdatъся* 'пачкаться', укр. *gázdatи*, польск. *gwazdać* 'пачкать, марать', словен. *gvazdati* 'нести чушь' ⁸ а также — с другой ступенью чередования корневого гласного — слав. **gydъkъ*, **gadъ*, **gaditi* и продолжающие их формы. Как бы подтверждением данной этимологии служит отождествление словен. *gaziti se* = *gaditi se* в словаре Плетершника. Таким образом, в результате необходимого отграничения материала получаем особое праслав. **gazditi* с отличной этимологией и особым ареалом, включающим также собственно русскую лексику. Последнее существенно, потому что ареал вышеупомянутого **gaziti* и родственных образований не распространяется на великорусскую территорию. Вместе с тем неверно и традиционное воззрение на **gaziti* 'идти вброд, по воде и т. п.' как на исключительно южнославянское слово. Этому в корне противоречат нижеследующие любопытные данные, которые мы ставим в прямую связь с упомянутой болгарско-македонско-словенско-сербохорватской лексикой с корнем *gaz-*, обозначающей брод.

⁴ P l e t e r š n i k I, стр. 208.

⁵ Там же.

⁶ Ф. Б е з л а й. Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 53 (значение белорусского слова дано здесь не совсем точно); В e z l a j. E s e j i, стр. 137.

⁷ Д а л ь ² I, стр. 340; также см. Ф и л и н, вып. 6, стр. 94.

⁸ Ф а с м е р I, стр. 398. — Сюда (а не к праслав. **gaziti*!), наверно, относится болг. *gázя* 'кричать, бранить' (ср., напр., значение словен. *gvazdati*, включаемое авторами «Болгарского толкового словаря» в единое *gázя* (см. выше), что вряд ли правильно). Ср. еще укр. диал. *ogáznyти* 'покрыться ином' (о котором неверно — к **gaziti* — см. Р. С м а л ь - С т о ц ь к и й. — «Slavia» 5, 1926, стр. 37), удачно связываемое со словен. *gáziti se* 'возбуждать отвращение' в последнее время Безлаем, который допускает и близость к русск. *gázdatъ*, при общем исходном **g(v)azd-* (так Ф. В e z l a j. Etimološki slovar slovenskega jezika, рукопись, Люблина). Ср. еще, с отличиями в деталях, О. Н. Т р у б а ч е в. О составе праславянского словаря. «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 176.

Мы имеем в виду блр. диал. *gaz* 'брод': «В Лепельщине еще употребляют слово *gaz* в значении 'мелкое место во всю ширину реки или озера'. Такой газ я видел на Красненском озере (Дисненский у.), это, как мне кажется, искусственная подводная дорога, какие строились в доисторические времена с стратегическими целями»⁹.

Южнославянские слова с корнем *gaz-* и значениями 'брод', 'переходить вброд' этимологизировались в литературе весьма разнообразно. Начнем с мнения издателей сербохорватского словаря Загребской академии: «Основа *gaz-* находится только в южнославянских языках, откуда следует, что это — иноязычное слово, возможно, венг. *gáz* с тем же значением, *gázolni* 'переходить вброд'»¹⁰. С венгерским связывает это южнославянское слово и Миклошич¹¹. Лишь Бернекер, вслед за Ашботом, дал правильную оценку этим отношениям, отвергнув мысль о венгерском происхождении славянского слова: «скорее венг. *gázolni* произошло из слав. *gaziti*»¹². Совершенно недвусмысленно — как заимствованное из южнославянских языков — характеризуется венг. *gázol(ni)* (засвидетельствовано с конца XV в. и обнаруживает практически все значения своего славянского первоисточника: 'переходить вброд', 'топтать, попирать ногами', 'идти') в новом венгерском историко-этимологическом словаре¹³. Венгерское слово используется при этом иногда как след существования **gaziti* в ассимилированных венгерским паннонскославянских диалектах, т. е. в зоне, непосредственно примыкающей к историческим южнославянским языкам¹⁴.

Существует ряд индоевропейских этимологий слав. **gaziti*.

Большая их часть, правда, не приурочена специально к конкретному индоевропейскому ландшафту Балканского полуострова. Таковы этимология **gaziti* из и.-е. **gāg-* или **gōg-*, ср. арм. *kaçan* 'узкая дорога, тропинка'¹⁵; сближение слав. **gaziti* с др.-инд. *gāhate* 'погружается'¹⁶; с праслав. **gasati* 'бить' <

⁹ В. Л а с т о ў с к і. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924, стр. 42. Ср. еще І. Я. Я ш к і н. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971, стр. 43: «*gaz* 'очень широкий брод в реке или озере' (Леп.); урочище Газ на Красенском озере в Дисенщине. . .»

¹⁰ RJA D. III, стр. 116 и след.

¹¹ Miklosich, стр. 61.

¹² Berneker I, стр. 299.

¹³ A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főrszerkesztő Benkó L., szerkesztők Kiss L., Papp L. I. kötet. Budapest, 1967, стр. 1039.

¹⁴ Skok I, стр. 557.

¹⁵ Так, вслед за Э. Лиденом, см. Berneker I, стр. 299; М л а д е н о в, стр. 96.

¹⁶ V. M a s h e k. Ario-slavica. — KZ LXIV, стр. 266 (цит. по: RS XIV, 1938, стр. 188); M a u r h o f e r I, стр. 334—335 (сомневается в семантической стороне славянско-санскритского сближения, предлагаемого В. Махеком).

и.-е. *ghes- 'резать, уничтожать', но с другим расширением¹⁷; сложная этимология, предполагающая родство слав. *gaziti 'переходить вброд' с лит. диал. *góti* 'идти', лтш. *gāju*, прошедшее время от *iēt* 'идти', и контаминацию со слав. *laziti¹⁸; сближение с лит. *góžti* 'опрокидывать, проливать', 'неуклюже, неловко шагать'¹⁹. Наряду с этим выдвинута этимология, объясняющая болг. *gāzja*, сербохорв. *gāziti*, словен. *gāziti* как древнее заимствование из местных индоевропейских языков Балкан, причем прототип в предполагаемом дако-мизийском субстрате возводится к и.-е. *g^wadhjo-s и этимологически отождествляется с др.-инд. *gādhā-* 'мелкий, неглубокий'; ответственная роль в передаче и.-е. *dhj* как *z* (необъяснимой на славянской языковой почве) приписывается при этом фракийскому (дако-мизийскому, праалбанскому) субстрату, привлекаемая во внимание наличие такой фонетической трактовки именно в албанском²⁰. Еще более серьезное значение, чем этому формально-фонетическому критерию, автор названной этимологии придает тому, что «эти слова встречаются только в южнославянских языках»²¹. Очевидно, что этот последний аргумент сохраняет свой вес до того момента, пока не обнаружится его опровержение в виде соответствия в другой группе славянских языков, каковое мы получаем в форме блр. диал. *gaz* 'широкий брод' (см. выше). Древнеалбанские, или фракийские, заимствования в белорусском неизвестны и невозможны, поэтому остроумную новую этимологию В. Георгиева нужно отклонить так же решительно, как это было в свое время сделано (и, как мы судим из наличия того же белорусского диалектного свидетельства, — справедливо) со старой венгерской этимологией.

Таким образом, в общем ряду продолжений слав. *gaziti—*gazь белорусское соответствие приобретает значение отнюдь не рядового свидетельства. С его помощью удастся доказать ошибочность двух только что названных этимологий, опиравшихся на моменты в н е ш н е й л и н г в и с т и к и (заимствование из неславянских языков в славянские при наличии территориальных и культурноисторических условий). Блр. диал. *gaz*, изолированное в своем конкретном языковом окружении и лишенное поддержки соответствующего глагола, тем не менее, обнаруживает то же четкое, вполне сложившееся значение 'брод', что и южно-

¹⁷ Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — ИОРЯС XXIII, 1921, стр. 236—237.

¹⁸ J. O t r e b s k i. Studja indoeuropeistyczne. Wilno, 1939, стр. 63; Он же. Les mots d'origine commune dans des langues slaves et baltiques. — LP I, 1949, стр. 130.

¹⁹ F r a e n k e l I, стр. 162.

²⁰ В. Георгиев. Въпроси на българската етимология. София, 1958, стр. 38—39; ср. I. P o r o v i ć. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 17. О древнеиндийском слове ср. еще M a u r h o f e r I, стр. 333.

²¹ В. Георгиев. Въпроси на българската етимология, стр. 38; ср. еще БЕР III, стр. 224.

славянское имя. Это тождество, наблюдаемое в двух несообщающихся, изолированных районах, показывает нам древность этой формы в этом значении. Сказанное приобретает характер немаловажного внутрилингвистического критерия, поскольку очевидная древность значения 'брод' позволяет сделать выбор между этимологиями (а этимолог знает, как трудно бывает подчас именно сделать обоснованный выбор при избытии существующих этимологий). В этом смысле значение 'брод' благодаря своей однородности и ранней отграниченности представляет благодарный материал из области семантической типологии этимологических исследований. Как получено значение 'брод'? Это наглядно демонстрирует этимология синонимических обозначений в различных индоевропейских языках. Лат. *vadum* 'брод' связано с лат. *vādere* 'идти' < и.-е. **gʷādʰ-*, расширение **gʷā-* 'идти' или **uādʰ-* < **uā-* с тем же значением²²; авест. *parātu-* 'брод', галльск. *ritu-* 'брод', нем. *Furt* то же < и.-е. **prtu-* < **per-* 'переходить, перевозить', сюда же греч. *πόρος* 'брод'²³; слав. **brodъ* 'брод' < **bredǫ*, **bresti* 'брести, идти'. Сопоставление древних синонимов, обозначающих брод, заставляет нас отдать предпочтение тем из рассмотренных выше этимологий слав. **gazъ* 'брод', **gaziti* 'переходить вброд', которые связывают эту славянскую основу, в конечном счете, с и.-е. **gʷā-* 'идти' (см. выше сближения Отрембского и других с лит. диал. *gōti* 'идти', лит. *gōžti* 'неуклюже шагать').

Начав нашу заметку о слав. **gaziti* с разграничений между **gaziti* и омонимизирующимся с ним глаголом **gaz(d)iti*, мы закончим ее еще одним таким наблюдением: между **gaziti* 'переходить вброд' и **gaz(d)iti* 'вызывать отвращение' (словен.), 'ломить' (русск.), 'бранить' (болг.) и т. п. (см. подробнее выше), кроме территориальных различий, наблюдаются еще более серьезные семантические различия. Если значения **gaz(d)iti* явно тяготеют к центральному экспрессивному значению 'гадкий, отвратительный', то значения 'брод', 'переходить вброд' базируются на исходном значении 'идти', 'переправляться', т. е. на значении нейтральном.

Что касается глагольно-именной пары **gazъ*—**gaziti*, то свидетельство блр. диал. *gaz* полезно и для суждений о хронологии образования членов этой пары. Белорусский пример представляет вполне сложившееся имя при отсутствии парного глагола. Отсутствие глагола могло быть вызвано его утратой, но оно могло быть и изначальным для данного диалекта. Глагол на *-iti* **gaziti* — каузативный (фактитивный) глагол, семантически и формально (ср. корневой вокализм) построенный на базе имени **gazъ*: 'осуществлять переход вброд'. Если говорить о более

²² Walde², стр. 802; Ernout — Meillet³ II, стр. 1256—1257; Pokorny I, стр. 463 и след.; 1109.

²³ Pokorny I, стр. 816—817.

древней предыстории форм, то имеет смысл охарактеризованные выше индоевропейские родственные связи относить в первую очередь к имени *gazъ, а глагол *gaziti считать собственным новообразованием части славянских диалектов.

49. Праслав. диал. *narъtz/*narъta — *narъtati

В настоящем этюде речь пойдет о слове, представленном рядом вариантов в памятниках церковнославянского языка главным образом русской редакции: *напъ* 'наемник, mercenarius'. — *Напъ*, обиталникъ (πάροικος καὶ μισθωτός, advena vel mercenarius; по др. сп. наимить и обитательникъ). Исх. XII. 45 по сп. XIV в. Аще ли напъ еѣ, да будеѣ емѣ за напа даемѣ (по др. сп.: аще ли напъ есть, да боудеть емоу за напастъ; да бѣдетъ емѣ запона на преди). Исх. XXII. 15 (Библ. 1499 г.). Напъ ерѣвѣвъ (πάροικος, inquitinus, по др. сп. наимить, населникъ). Лев. XXII. 10.

Ико²⁴ напа ѡиденанъ (ѡиденъна — поденного) жизнь его (ὡς περ μισθίου ἀδθημερινοῦ). Иов. VII. 1 по сп. XVI в. (В. II. 20). Аще ли напъ, то възираи на възатиѣ тъчижъ (εἰ μισθωτός, πρὸς τὸ λαβεῖν βλέπε μόνον). Гр. Наз. XI в. 106. Паче же и напа бѣгоунива приемень сждъ (μισθίου). Панд. Ант. XI в. л. 247. Не бо напъ бысть (μισθωτός, mercenarius). Жит. Еутх. 31. Мин. чет. апр. 116.

Бяхомъ на поути пять насъ: самъ же блженны и азъ и два напа и инъ слоуга оунъ (duo agazones). Жит. Порф. 14. Мин. чет. февр. 287²⁴. *Напъта* 'наемник': Стоужающи си ѡгондоху напъты своа, друзи же рабы своа. Жит. Нифонт. XIII в. 106.

Ничсо же небрѣгъ ѡгна напты своа. т. ж. 107²⁵. *Напъда* = *набъда* μισθός, merces, μισθωτα: Да не даси набды ѡ блoudницы (μισθωτα, mercedem; по др. сп. мзды). Втз. XXIII. 18 по сп. XIV в.

Да не лишиши набды ѡбогаго (μισθόν, mercedem; по др. сп. наима). Втз. XXIV. 14. т. ж. Да не ѡдаси напъд емѣ. Втз. XXIV. 15. Библ. 1499 г. Вся напды ея запалять огнемъ. Мих. I. 7.

И отъ кыхъ зѣлий създаса и лишеныхъ напъд проса, и отъмыштениа врѣжденыихъ възиска. Изб. 1073 г. (ср. Иер. XXII. 13).

Напъдоу възимаста цѣноу или наимъ (μισθόν; в лат. пер. нет). Пат. Син. XI в. 122. Имаше отъ обою напъдоу (mercedem operis, μισθόν). т. ж. Не стыдятся, приди възяти напъдж. Конст. Сказ. XII. в. 235. Кыа же соуть мзды и напды и въздааныа. т. ж.²⁶

Таким образом, в нашем распоряжении представлены формы *напъ*, *напъта*, *напъда*, *набъда*, *напъда*, *набда*, которые, несмотря

²⁴ Срезневский II, стб. 314—315; см. также Miklosich LP, стр. 410.

²⁵ Срезневский II, стб. 316.

²⁶ Там же.

на серьезные различия, являются не словообразовательными, а чисто формальными вариантами одного и того же слова. Количество вариантов должно быть даже умножено, потому что, например, слово *напѣта*, даваемое Срезневским только из Жития Нифонта, реально представлено в тексте в форме винительного падежа множественного числа (как это видно и из цитат у Срезневского), на базе которой может быть реконструирован незасвидетельствованный именительный падеж как в форме *напѣта*, так и в форме *напѣтъ*²⁷. Множество письменных вариантов и значительные колебания между ними — первый признак того, что слово было темным и недостаточно понятным. К каким кривотолкам и разночтениям это приводило, хорошо видно хотя бы на примерах одной цитаты на слово *напѣ* в разных списках: 1) . . . да бѹдетъ емѹ за напа даемѹ; 2) . . . да боудеть емоу за напасть; 3) . . . да бѹдетъ емѹ запона на преди (так! см. Срезневский, выше). Современный русский перевод этого места Библии (Исх. XXII, 15): «если он взят был в наймы за деньги, то пусть и пойдет за ту цену».

Как показывает употребление в церковнославянских цитатах и значение греческих и латинских эквивалентов, изучаемое слово выступало то в значении *μισθωτός, μισθιος, mercenarius*, наемник, то в значении *μισθός, μισθωμα, merces*, наемная плата, плата по найму. Наличие функций имени деятеля и имени действия обычно характеризует отглагольные существительные, и об этом важно помнить при этимологизировании слова. Двойственная семантическая функция слова помогает как-то объяснить множественность его вариантов, сделать правдоподобным наличие здесь единого слова, из чего согласно исходят все известные этимологии, не пытаясь доказать то, что также нуждается в определенном доказательстве. Можно заметить, что значение 'наемник' закреплено за формами *напѣ, напѣтъ / напѣта*, а значение 'наемная плата' — за формой *напѣда / набѣда / напѣда / набѣда*. В последнем случае не исключено, как нам кажется, формальное влияние семантически близких слов *мѣзда* (есть в качестве варианта в списках, см. Срезневский, выше), особенно — созвучное *набѣда* ἐπιμέλεια, т. е. 'забота, попечение', 'дело'²⁸. В случае с формами *напѣ, напѣтъ / напѣта* влияние посторонних форм как будто отсутствует, сами формы *напѣ, напѣтъ* ни с чем не ассоциируются и представляются темными, что все вместе и позволяет нам считать их этимологически наиболее авторитетными вариантами, в отличие от форм с иным исходом *напѣда / набѣда*, где нетрудно увидеть подравнивание под извест-

²⁷ К. И. Ходова. Из наблюдений над лексикой древнерусского списка «Жития Нифонта» 1219 г. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. IX, М., 1954, стр. 189.

²⁸ Цслав. *набѣда*, видимо, калькирует греч. ἐπιμέλεια (на- + основа глагола *бѣдѣти*); от него, в свою очередь, произведено русск. *снабдить*, ст.-слав. *сънабѣдѣти*, не имеющее никакого отношения к нашему *напѣ, напѣта* 'наемный работник'.

ную лексику и вторичное осмысление. Таково, как нам кажется, необходимое доказательство того, что перед нами единое слово.

В семантическом, а также этимологическом отношении существенно, далее, отметить, что *напъ*, *напъта* обозначало не наемного солдата, как иногда толкуют его в литературе²⁹, а говоря точнее — наемного рабочего³⁰, поденщика, «напа ѡиденьна», а это также влечет за собой не одни лишь семантические уточнения, но и ограничения в выборе этимологий: так, этимологии, исходившие из молчаливого принятия первоначального значения ‘наемный солдат’, уже, видимо, не подойдут, см. специально ниже.

Изучение цитатного материала помогло произвести уточнения по всем основным характеристикам слова: значение (‘наемный работник’, ‘плата по найму’), грамматическая функция (вероятное отглагольное существительное), этимологически наиболее авторитетная форма (*напъ*, *напътъ* / *напъта*). Сделать это удалось до известной степени независимо от этимологии в собственном смысле, к которой мы и переходим теперь. Предпринятый выше предварительный филологический анализ, помимо полезных показаний и направляющих ограничений, ставит перед собственно этимологическим исследованием отдельные вопросы, на которые этимология должна будет дать ответ, т. е. своеобразно программирует направление этимологического анализа. Так, если выше поставлен вопрос о наличии у имени *напъ*, *напътъ* / *напъта* признаков отглагольного существительного, то отсюда вытекает необходимость наличия исходного глагола. Далее, сказанное надо понимать как свидетельство о незаимствованном происхождении данного слова.

Этимологизация этого церковнославянского слова имеет уже более чем столетнюю историю, если начать с чисто умозрительного, не обязательного ни в формальном, ни в семантическом плане толкования А. Фика³¹, который объясняет *напъ* из **на-апъ*, где *на-* — приставка, а корень *-апъ* сближается с др.-инд. *ара-* ‘достижение, обретение’ (точнее — *āra-* ‘дело, действие, священнодействие’³²). Еще более случайна этимология, сближающая слово *напъ* с названием народа *Напътои*³³.

Очевидной слабостью приведенных этимологий является невозможность объяснить с их помощью наиболее полный вариант *напътъ*, *напъта*. Этот недостаток объединяет их с третьей эти-

²⁹ Ср. Ф а с м е р III, стр. 42; см. еще V. P i s a n i [Рец. на кн.:] M. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch. 12—14. Lief. «Pai-deia» X, N 4, 1955, стр. 261 (толкует *напъ*, вернее — *напъда* ‘наемный солдат’ из ‘наемная плата’, этимологически: приставка *на-* + **pidā*, где **pi-* якобы древняя приставка ‘на-’, а корень — к и.е. **dō-* ‘давать’). — Отсутствие слова *напъ*, *напъта* в «Истории военной лексики в русском языке XI—XVII вв.» Ф. П. Сороколетова (Л., 1970), таким образом, вполне оправдано.

³⁰ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 189.

³¹ A. F i c k. Etymologische Beiträge. KZ XIX, 1870, стр. 260.

³² M a u g h o f e r I, стр. 75.

³³ С р е з н е в с к и й II, стб. 314.

мологией, самой популярной до недавнего времени. Мы имеем в виду объяснение И. Ю. Микколы, который увидел в слав. *напъ* заимствование из древневерхненемецкого *knarro* (=современное нем. *Knarre*)³⁴. Автор этой этимологии объяснял разность начала слова нем. *kn-* при слав. *n-* субституцией, или заменой немецкого сочетания *chn-* (Миккола останавливается на варианте *chnarro* немецкого слова) славянским *n-*; форму *напъты* он производит от соответствующего древневерхненемецкого образования с элементом *-t-*, не указывая конкретно, — какого именно. Древневерхненемецкое *knarro* обозначало юношу, который готовится стать рыцарем, пажа, оруженосца³⁵; это значение отражено и в нем. *Knarre* 'паж, оруженосец'. Военный, рыцарский термин плохо подходит как прототип для названия поденного рабочего. Древневерхненемецкое производное с суффиксом *-t-* от *knarro* пока что нам неизвестно, а следовательно, объяснить форму *напътъ* / *напъта* средствами немецкого словообразования не представляется возможным. Субституция *kn-* > *n-* на славянской почве крайне сомнительна (в другом месте мы уже показывали устойчивость звукосочетания *kn* в славянском), и апелляция к варианту *chn-* в начале немецкого слова тоже не спасает эту этимологию. Как видим, данное толкование всесторонне уязвимо и ненадежно, и хотя А. Вайян не так давно высказался в его поддержку³⁶, оно, вероятно, должно быть оставлено. В довершение сошлемся на старопольское слово *knar* 'ткач, суконщик', заимствованное из средневерхненемецкого *knarre* довольно рано (известно с XV в.³⁷) и, как видим, отлично сохранившее начальное *kn-* немецкого слова.

Критика перечисленных этимологий и доэтимологические постулаты об отглагольности и незаимствованном происхождении слова *напъ*, *напътъ* / *напъта* (см. филологический анализ, выше) толкают нас на поиски иной этимологии. Попытки интуитивного толкования от какого-либо «подходящего» глагола имели место и ранее. Так, П. О. Потапов производил *напътъ* / *напъта* из «Жития Нифонта» от сербохорв. *nāpatiti* 'приобретать, наживать, зарабатывать'³⁸. Сербохорватский глагол совершенного вида *nāpatiti* 'измучить', 'приобрести, нажить, заработать, стя-

³⁴ J. Mikkola. Zur slavischen Wortkunde. «Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića». Berlin, 1908, стр. 359; J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik. I. Teil. Lautlehre, Vokalismus, Betonung. Heidelberg, 1913, стр. 11. Против см. Фасмер III, стр. 42.

³⁵ O. Schade. Altddeutsches Wörterbuch. 2. Aufl. Halle a. S., 1872—1882, стр. 501 (производного с суфф. *-t-* словарь не дает).

³⁶ A. Vaillant. Vieux-slave napъ «serviteur à gages». «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор» 25. Београд, 1959, стр. 256—257.

³⁷ Sławski II, стр. 284. — Включение рыцарского, сословного термина в состав терминологии развитой цеховой ремесленной организации в данном случае понятно и оправдано, и состоялось оно еще на немецкой почве.

³⁸ Цит. по: К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 189.

жать'³⁹ образован от бесприставочного *pātimi* 'страдать, мучиться', также 'разводить, умножать, размножать'⁴⁰. Близкое слово может быть указано еще в болг. *pātia* 'испытывать, переносить, терпеть'⁴¹. Названные сербохорватское и болгарское слова являются очевидными романскими заимствованиями из лат. *pator, pati*, народнолат., ит. *patire* 'терпеть, страдать'⁴². Как видим, сербохорватское *-a-* корневое представляет собой здесь этимологически полный гласный, что абсолютно противоречит увязке сербохорв. *патити, напатити* с русск.-цслав. *напѣтъ, напѣта*, не говоря о других возражениях (позднее, местное заимствованное происхождение болгарского и сербохорватского глаголов, существенное семантическое различие между этими «глаголами страдания» и обозначениями наемной платы, наемного рабочего).

Тем не менее, глагол, послуживший словопроизводящей базой для *напѣ, напѣтъ*, существует, и он относится к исконнославянскому фонду лексики. Мы имеем в виду чешское диалектное слово *naptat'* 'нанять на работу'⁴³, *naptat'* 'нанять рабочих'⁴⁴.

Семантические отношения русско-церковнославянского *напѣтъ / напѣта* 'наемный рабочий', 'наемная плата' и чешского диалектного *naptat'* 'нанять на работу', 'нанять рабочих' не нуждаются в комментариях. Чешское диалектное слово образовано с приставкой *na-* от чеш. *ptāti* 'спрашивать, просить'. Несколько слов об этой исходной форме, поскольку знание ее особенностей помогает внести ясность в главный вопрос настоящей заметки. Чеш. *ptāti (se)* продолжает праслав. **přtati*, родственное прежде всего праслав. **pytati*. Отношения между ними весьма контрастны в плане лингвистической географии, причем **přtati* сохранилось только в чешском языке, а **pytati* представлено во всех остальных славянских: польск. *pytać*, русск. *пытать*, словц. *pytat'* (диалектно **pytati* есть и в чешском). Чеш. *ptāti* так относится к **pytati* прочих славянских языков в количестве своего корневого гласного, как чешское же *psāti* 'писать' к общеславянскому **pisati*. Вероятно, *ptāti, psāti* обобщили вокализм старых претеритальных форм **přtas, *přsas*, как это имело место в инфинитиве **břrati* 'брать', правда, в последнем случае явление охватило все славянские языки, а формы *ptāti, psāti* носят выразительно чешский характер. Так или иначе, **přta* (прошедшее время) — **pytati* (инфинитив на *-ati* с продлением корневого гласного) — **přtati* (инфинитив, не содержащий упомянутого продления), при всей

³⁹ RJA D.VII, стр. 482.

⁴⁰ Указ. словарь. D.IX, стр. 701.

⁴¹ БТР, стр. 542.

⁴² М л а д е н о в, стр. 415.

⁴³ А. К а š í к. Popis a rozbor nářečí středobečevského (= «Rozpravy České Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění». Třída III, ročn. IX, číslo 26). Praha, 1908, стр. 94.

⁴⁴ F. S v ě r á k. Karlovičské nářečí. Brno, 1941, стр. 126.

локальности следов вокализма **рѣtati*, отражают старые апофонические отношения еще праславянского времени. Хотя существует мнение об общеславянском характере связи форм **рѣtq* — **рy-tajq* (итератив с удлинением ѣ > y)⁴⁵, мы не можем игнорировать того, что свидетельства о **рѣtati* есть только в чешском, почему и говорим здесь о праславянском диалектизме. Только чешскими являются и отмеченные в современных диалектах следы приставочного глагола **нарѣtati* (см. выше чеш. диал. *naptat'*). Исключительно на чешской языковой почве могло возникнуть и производное отглагольное имя **нарѣtъ*, **нарѣta*, содержащее все ту же отмеченную краткость гласного в корне.

Свидетельства географии слов и корневого чередования гласных (только чешская ступень краткости в **рѣtati*, **нарѣtati*, **нарѣtъ*) позволяют считать слово *напъ*, *напѣтъ* / *напѣта* в русско-церковнославянских текстах еще одним весьма достоверным чехоморавизмом лексики церковнославянской письменности. Неустойчивость написания, наличие ряда вариантов (о чем см. выше), наличие явной порчи в *напъ*, усеченном из *напѣтъ*, делаются понятными, если взглянуть на это слово как на иноязычное и неясное для древнерусских книжников и переписчиков.

50. Праслав. диал. **brusna*

В древнерусском памятнике «Степенная книга» встречается неясное слово в форме множественного числа *брѣсны* 'какая-то часть тела или лица?', отмечаемое И. И. Срезневским вслед за А. Х. Востоковым на основании единственной цитаты: Плеща же и груди отъ стрѣльнаго ударения и отъ сабельнаго и брусны его бяху сини яко и сукно⁴⁶.

Изолированность слова как среди известной русской лексики, так и в целом в словаре славянских языков давала простор для реконструкции и этимологизации, одновременно существенно затрудняя и ту и другую. Исходя из естественного допущения, что русское слово, по-видимому, проделало большой путь видоизменения и развития, начиная от праславянской формы, Э. Бернекер восстанавливал для др.-русс. *брѣсны* праславянскую форму с носовым гласным в корне и редуцированным в суффиксе **brq̄s̄na*⁴⁷. Повторяя эту реконструкцию вслед за О. Видеманом, он приводит, вслед за последним, и семантическую реконструкцию 'верхняя часть руки, плечо'. Бернекер не скрывал своих сомнений насчет правильности этой реконструкции и этимологии Видемана (последняя состояла в отнесении славянского слова к и.-е. **bhrenk-* 'крепко обхватывать', ср. греч. *φράσσω* 'окружаю, заключаю').

⁴⁵ М а с х е к 2, стр. 496.

⁴⁶ Срезневский I, стб. 181; см. также Miklosich LP, стр. 45.

⁴⁷ Бернекер I, стр. 88.

Скепсис Бернекера кажется вполне оправданным, даже если бы мы не могли предложить для этимологизируемого слова никакого более убедительного толкования. Достаточно обратить внимание на то, что здесь приходится иметь дело в сущности с двойной реконструкцией — и внешней формы слова и его значения. И то и другое необходимо, но тогда любой неверный ход толкования оказывается неверным вдвойне.

Предположим, что перед нами древнее слово, сохранившее, несмотря на свою древность, практически неизменным свой первоначальный вид. Если вспомнить изолированный характер слова *брѣсны*, подобное предположение не покажется странным. Короче говоря, предположим простейшую возможную реконструкцию: праслав. **brusna*. Идентичная праформа (и.-е. **bhrusnā*) восстанавливается для целого ряда слов в кельтских языках: кимрское *bronni* ж. р. 'грудь', бретонское *bronn*, *bron* то же, ср., с иным древним исходом основы, др.-ирл. *bruinne* (< **bhrusniō*-) 'грудь'⁴⁸. Названное этимологическое тождество праславянского диалектного слова **brusna* (после сказанного выше серьезных сомнений в его вероятном праславянском характере как будто не должно оставаться) и упомянутого кельтского названия груди, сводимое к исходному индоевропейскому **bhrusnā*, представляет собой заметную славяно-кельтскую изоглоссу, не упоминаемую в известной нам литературе. Славянское слово — архаизм лексики, с явным забвением значения (*'грудь'? 'часть груди?'), ср. плеонастическое в таком случае употребление рядом с ним в единственной известной нам древнерусской цитате (см. выше) слова *грудю*. И.-е. **bhrusnā* членится, далее, на основу с расширителем **bhru-s-* и суффикс *-nā*, ср. родственное слав. **br'uxo* (русск. *брѹхо* и др.), содержащее корень с вокализмом в иной апофонической ступени (и.-е. **bhreus-*). Сближение слов *брѣсны* и **br'uxo* дал еще А. Брюкнер⁴⁹, одновременно приписывавший без достаточного основания древнерусскому слову *брѣсны* значение 'бедро, ляжки'. Еще менее убедительно предложенное им там же сближение *брѣсны* также с литовским *prusnā* 'морда (коровы, быка)', которое объясняется совершенно иначе, как специфически литовское образование.

51. Праслав. диал. **perestǫbъ*

Современное чешское слово *peřestý* 'пестрый'⁵⁰ имеет вполне отчетливую структуру прилагательного, производного с суффиксом *-est-* от *pero* 'перо', т. е. первоначально что-то вроде 'пернатый'. Этот состав слова *peřestý*, по-видимому, хорошо ощущается

⁴⁸ Роккогнупу I, стр. 170 (без славянского слова).

⁴⁹ А. Брюкнер. — «Slavia», годн. 13, 1935, стр. 275.

⁵⁰ PSJČ IV, 1, стр. 211.

В современном чешском языковом сознании, о чем свидетельствуют составители цитированного нами большого толкового словаря чешского языка, где современное значение 'pestrý' выводится из 'peřitý, peřovitý'. Как будто по своим данным слово *peřestý* не нуждается в специальном этимологическом анализе ввиду очевидности своего состава и прозрачности словообразования. Сведения по истории слова в чешском у нас отсутствуют, в доступных нам диалектных материалах оно не встречается. По словам В. Махека, «слово *peřestý*, в конечном счете, — исключительно литературное слово в чешском языке»⁵¹. Усматривая в описанной своеобразной изолированности чешского слова (отсутствии соответствий в чешских народных говорах, в близкородственных языках) сигнал якобы имевшей место перестройки структуры, Махек толкует чеш. *peřestý* как контаминацию чешских слов *pelestý* 'пестрый, разноцветный' и *pestrý* 'пестрый', причем первое из них он относит к праслав. **pel-es-ъ*, а второе восходит к **pъstrъ* (ср. русск. *пестрый* и другие славянские родственные формы этого общеславянского слова); Махек приходит к выводу, что слово *peřestý* «получило значение 'пестрый' скорее в домыслах писателей». Пока в нашем распоряжении остается такое же ограниченное количество фактов, какое было в данном случае у Махека, мы не можем не считаться с предложенным им объяснением, хотя нас может не удовлетворять заведомая сложность самого объяснения (контаминация двух разных слов); равным образом мы не можем отказать этимологу в праве подойти критически к так называемому языковому сознанию или чутью носителей языка, т. е. усомниться в словопроизводстве *peřestý* < *pero*, как это и сделал Махек. С неменьшим основанием мы могли бы выдвинуть, пожалуй даже более логичную, этимологию чеш. *peřestý* как метатезы слова *pestrý* < слав. **pъstrъ*, с последующим сближением с *pero* 'перо', достигнув этим путем включения более или менее изолированного слова в ряд продолжений общеславянской по своему распространению формы.

Однако в славянской лексике есть факты, оставшиеся неизвестными Махеку, которые корректируют вывод покойного чешского ученого о значении чеш. *peřestý* 'пестрый' как сложившемся якобы лишь в домыслах писателей и — главное — кладут конец сомнениям в древности формы чеш. *peřestý*. Мы имеем в виду блр. *пярэсты* 'пестрый', 'пегий, чубарый (о масти лошадей)'⁵². Нам неизвестно, было ли это белорусское слово предметом этимологизации в литературе и сравнивалось ли оно, в частности, с чеш. *peřestý*; тем более, если учесть очевидный характер связи, тождества формы и значения чеш. *peřestý* 'пестрый' и блр. *пярэсты*

⁵¹ М а с х е к², стр. 445.

⁵² «Белорусско-русский словарь». Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962, стр. 771; М. Б а й к о ў і С. Н е к р а ш э в і ч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925, стр. 266.

‘пестрый’. Это тождество тем более значительно в наших глазах, что названное белорусское слово одиноко в восточнославянском: Данное соответствие исключает мысль о контаминации или метатезе, приведшей к образованию какого-либо из этих двух слов или обоих сразу. Трудно предполагать тут также вторичное проникновение или заимствование из языка в язык. Мнение о совершенно независимом параллелизме образования чешского и белорусского слов было бы, как нам кажется, неубедительно ввиду оригинального развития значения ‘пестрый’ из ‘пернатый’, ‘цвета перьев’ (ибо примерно таково этимологическое значение данного слова, производного от названия пера). Единственно возможное заключение, к которому приводит сближение чеш. *peřestý* и блр. *пярэсты*, — это вероятность существования диалектного праславянского слова **perestъjь*.

52. Праслав. диал. **kъrmyslъ*/**čъrmyslъ*

Слово, на котором базируется первый из двух приведенных выше вариантов праславянской реконструкции, распространено исключительно в восточнославянских языках и в первую очередь — в русском языке.

Русск. *коромысло* ср. р. ‘деревянная дуга с выемками или крючками на концах для ношения ведер’, (обл.) ‘длинный и тонкий шест у колодца, употребляемый в качестве рычага при доставании воды’, диал. *коромысло* ‘стрекоза’, ‘палка, которой толкут в ступе белье’⁵³, *коромысло* ‘коростель, дергач’⁵⁴, *коромысло* ‘кормовая веревка’⁵⁵, *коромысло* ‘пара ведер воды’⁵⁶, ‘детская игра (в ножички)’⁵⁷; *коромысел*, род. п. -*сла*, м. р. ‘коромысло’ (новг., твер.), ‘стрекоза, насекомое’ (нижег.)⁵⁸, *коромысл* ‘коромысел’, ‘плечная кость’⁵⁹, *коромыс* ‘созвездие Большой Медведицы’ (Буирск. у.)⁶⁰, *коромысел*, род. п. -*сла*, м. р. ‘коромысло’⁶¹, *коромыс*, *коромысел* ‘коромысло’⁶², сюда же уменьшительное производное *коромысик* ‘стрекоза’ (сарат.)⁶³.

⁵³ Куликовский, стр. 41.

⁵⁴ Н. Кедров. Материалы лексикографические по новгородским говорам. Слова ладожские. — ЖСт VIII, 1898, стр. 402.

⁵⁵ «Труды Московской диалектологической комиссии» (Новосильский у. Тульской губернии). — РФВ LIX, 1908, стр. 310.

⁵⁶ Сл. Сред. Урала II, стр. 50.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Опыт, стр. 90.

⁵⁹ Добровольский, стр. 346.

⁶⁰ А. Мотовилов. Симбирская молвь. К материалам для изучения областных наречий русского языка. — Сб. ОРЯС XLIV, № 4, 1888, стр. 23.

⁶¹ Говоры Прибалтики, стр. 129.

⁶² Сл. Сред. Урала II, стр. 50.

⁶³ Картотека Словаря русских народных говоров. Институт русского языка АН СССР, Л.

Укр. *корбмисел*, род. п. *-сла*, м. р., и *корбмисло* ср. р. 'коромысло', 'рычаг, которым приводятся в движение при звоне языки маленьких колоколов', 'детская игра: двое детей становятся друг к другу спиной, переплетаются руками и поочередно каждый нагибается вперед, отчего другой подымается на воздух'⁶⁴, диал. *корбмисел*, род. п. *-сла* 'перекладина на возу, к которой прикрепляются постромки', 'коромысло'⁶⁵, сюда же *корбмыслы* мн. 'часть ткацкого станка'⁶⁶, *корбмысло*, *корбмисло* ср. р., *корбмыс'ол*, *корбмысел* м. р., *корбмыслы*, *корбмысли*, *корбмисли* мн. 'короткая палка, которая в упряжке «на орчик» привязывается к «ручке», а в дышловой упряжке — к «стельваге»; прочная жердь, укрепленная в передке телеги'⁶⁷.

Блр. *карбмысел* м. р. 'коромысло', диал. *карбмісла* ср. р. то же⁶⁸.

Др.-русск. *коромыслъ* (Тежь вѣсь мѣдовы (дѣдовы), соляныи, музолки, коромыслъ, тымъ его милость Смоленянь жаловаль. Жалованная подтвердительная грамота смоленскому владыке Иосифу 1505 г.⁶⁹, коромыслъ дубовый на крюках железных (1647 г.)⁷⁰, *коромысель* (. . . над мехами коромысел деревяною висит на крюку желѣзном. . . 1657—1663 гг. Куплено дрѣвни Борцова у крѣстьянина Дениска Мурнака восьмнатцат коромысел вѣдръ дано за коромысел по пол восьмы дѣги итого дватцать два алтына полторы дѣги. Книга Иверского монастыря. 1665 г. . . а въ тѣхъ важняхъ двой терези, карамыслы желѣзные и доски окованы желѣзомъ, да старой корамысель желѣзной. . . Псковские акты. 1699 г.)⁷¹, *коромысло* (коромысло желѣзное отъ вѣсковъ . . . 1709; . . . 2 скалки да коромысло деревянные. . . 1710 г.)⁷², сюда же производное *карамысцы* мн. (. . . серги жъ серебряные карамысцы съ зерны жъ. Рядная на замужество, 1695 г.)⁷³.

Польское диалектное слово *koromysło*, известное только на востоке польской языковой территории, заимствовано из восточнославянских языков, как полагает Брюкнер, из украинского⁷⁴. Прочим славянским языкам слово неизвестно. Однако существует одно бесспорно родственное слово, остававшееся до последнего

⁶⁴ Гринченко II, стр. 287.

⁶⁵ П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, стр. 36.

⁶⁶ Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 222.

⁶⁷ Л. И. Масленникова. Из полесской терминологии транспорта. «Лексика Полесья», стр. 173.

⁶⁸ Г. Юрчанка. Дыялектны слоўнік (з гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966, стр. 109.

⁶⁹ Срезневский I, стб. 1291.

⁷⁰ Картотека МДРС.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Вгйскнер, стр. 257.

времени как будто неизвестным для славистов-этимологов. Это кашубское *plurale tantum* *čärměslě* 'деревянные коромысла, которые кладут на плечи для переноски ведер и корзин'⁷⁵. Кашубско-словинские говоры — типичные окраинные диалекты, которые уже не раз открывали и, видимо, еще будут открывать в дальнейшем взору внимательного исследователя архаические черты фонетики, морфологии, словообразования и лексического состава славянских языков. К числу таких архаизмов может быть отнесено и слово *čärměslě*, соответствий которому ни в соседнем польском, ни в других дальних и близких славянских языках мы пока не знаем. Реконструируя на этом основании праславянское **čьrmysly* мн. ч., а отсюда — совершенно регулярное **čьrmyslъ* м. р. (см. второй вариант праславянской реконструкции в заглавии настоящей заметки), мы не можем не обратить внимания на разительную близость этой формы и восточнославянского названия коромысла. С первого взгляда ясно, что мы имеем здесь дело не со случайным сходством, а с фактом близкого родства. Собственно, если говорить о сходстве, то необходимо указать и на своеобразные отличия, которые обнаруживаются между нашими словами и которые, как увидим ниже, могут быть в своей сущности сведены к историческому тождеству. Сближать оба слова, очевидно, следует на приблизительно одинаковом временном уровне, для чего необходимо получить праславянскую реконструкцию также для русск. *коромысло* / *коромысел* и др. (см. перечень форм выше). Этот вопрос тесно связан с этимологией (или этимологиями) слова *коромысло*. Вся сложность заключается в том, что мы имеем дело с этимологически темным словом. Но «этимологически темный» еще не значит «заимствованный», и в этом косвенно убеждают нас неудачи попыток объяснить русск. *коромысло* как заимствование (из греч. *κρεμαστήρ* 'крюк для котла', лат. *cremasclum*, рум. *surmeziș* 'поперек'...⁷⁶). Пожалуй, у нас во всяком случае не меньше оснований предположить здесь старое, исконнославянское слово. Но с какой древней формой? При недостатке как внешних, так и внутренних критериев нам остается выбирать между несколькими теоретически одинаково возможными реконструкциями: **kor(o)myslo*, **kolomyslo*⁷⁷, **kъrmyslo*. Но несомненное родство русск. *коромысло* и кашуб. *čärměslě* все-таки позволяет предпринять некоторые ограничения выбора возможностей и, тем самым, остановиться на наиболее вероятной реконструкции. Прежде всего делается очевидной древность *-p-* (праслав. *-r-*) в составе русского слова и, соответственно, отпадает реконструкция **kolomyslo*. Остаются **kor(o)myslo* и **kъrmyslo*. Мы предпочитаем праформу **kъrmysl-* (о конечном гласном см. специально ниже), так как вариант **čьrmyslъ*, вос-

⁷⁵ S y c h t a I, стр. 149.

⁷⁶ См. обзор соответствующих объяснений: Ф а с м е р II, стр. 334.

⁷⁷ Н. М. Ш а н с к и й, В. В. И в а н о в. Т. В. Ш а н с к а я. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2. М., 1971, стр. 213.

становленный из кашубского слова, свидетельствует, по нашему мнению, именно в пользу реконструкции праслав. **kǫrmysl-*, а не **kormysl-*. Хотя отношения типа **čьrm-* (**kǫrm-*): **korm-* возможны, их следовало бы ожидать в морфологически и словообразовательно оправданных обстоятельствах, тогда как здесь представлены тождественные словообразовательные модели, следовательно, здесь можно говорить только о фонетических вариантах типа **krьtь* : **čьrtь*⁷⁸, без четкой словообразовательно-морфологической функции. Таким образом, прав был Брюкнер, который, говоря о русск., укр. *коромысло*, *коромисло*, утверждал: «drugie o niepierwotne»⁷⁹. Приходя после сказанного к дублетным **kǫrmysl-* / **čьrmyslь*, мы отмечаем определенную диспропорцию в морфологическом оформлении восстановленных вариантов. Не представляет, конечно, труда проецировать в праславянское состояние морфологический тип наиболее авторитетного сейчас русского варианта *коромысло* и предположить существование праславянского **kǫrmyslō*. Но диалектология и история подсказывают другое решение вопроса. Укажем на хорошо известное колебание типов склонения *коромысло* ср. р. и *коромысел* м. р.⁸⁰ Правда, такая квалификация как «колебание» еще совершенно недостаточна для суждений о направлении развития. Подлинную услугу оказывают нам поэтому данные лингвистической географии, которые рисуют в общих чертах такую картину для территории русского языка: если брать в расчет относительно старую территорию, освоенную русскими в Европе, то форма *коромысло* ср. р. (и исторически тождественные ей вроде *коромысла* в южновеликорусских говорах) занимает в южновеликорусских говорах подобие неширокого коридора, вытянутого в направлении ЮЗ—СВ, с расширением в области средневеликорусских говоров (откуда форма *коромысло* ср. р. и попала в литературный язык) и с абсолютным господством в северновеликорусском наречии приблизительно к северу от линии Новгород—Боровичи—Ярославль—Солигалич. В то же время на значительных периферийных пространствах к западу и к югу от Новгорода, далее — на запад от линии Бежецк—Калинин—Мосальск—Жиздра—Брянск—Трубчевск с одной стороны от означенного выше «коридора» и к востоку и к юго-востоку от Костромы, Ярославля и Мценска, Орла, Курска — с другой стороны — господствуют формы типа *корбьмьсел*, *корбьмьсл* м. р.⁸¹ Опыт исследований в плане лингвистической геогра-

⁷⁸ Об этимологическом тождестве этих двух слов, нередко объясняемых по-разному, говорит сходство их поведения и употребления, ср. сложения **krьtoryja* : **čьrtoryja*.

⁷⁹ В г ü с к н е г, стр. 257. — В русской научной литературе такие случаи определяют как второе полногласие.

⁸⁰ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Единственное число. Л., 1927 (= Сб. ОРЯС, т. С, № 3), стр. 45.

⁸¹ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957, сводная карта № 13; остальные сведения почерпнуты

фии учит, что центр ареала как правило занимают новообразования, а архаизмы имеют тенденцию смещаться к периферии, где они и лучше сохраняются. Картину распределения форм *коромыс(е)л* \approx *коромысло* нужно толковать совершенно однозначно, а именно: более древним является *коромыс(е)л* м. р., тогда как *коромысло* ср. р. — новообразование. К сожалению, лингвистическая география соседнего белорусского языка не представляет столь яркой картины распределения родственных форм. Восточная часть белорусской языковой территории является как бы продолжением западного русского периферийного ареала форм мужского рода: на территории к востоку от линии Полоцк—Минск—Мозырь абсолютно преобладают формы *карóмысел*, *карэ́мысел*, *карóмисел*, *карэ́мисел*, *карамýсел* м. р., а к западу от этой линии — формы среднего рода *карóмысла*, *карэ́мысла*, *карóмисла*, *карэ́мисла*, *карамýсла* ⁸². Данными по географии украинских форм мы пока не располагаем. Известные нам древнерусские формы XVI—XVII веков согласно показывают мужской род (см. выше). Все это дает нам право восстановить праславянскую форму мужского рода **kьrmyslъ* и этим довершить словообразовательно-морфологическое тождество фонетических вариантов **kьrmyslъ* и **čьrmyslъ* (последний вариант, будучи, как сказано выше, классическим примером периферийного реликта, убедительно подтверждает наше лингвогеографическое наблюдение об относительной хронологии русск. *коромысло* / *коромысел* также в плане общеславянской лингвистической географии).

Итак, получив с немалой достоверностью праславянскую реконструкцию **kьrmyslъ*, а не **kьrmyslo*, мы можем заняться дальнейшим пересмотром морфологической и словообразовательной характеристики слова. Неоднократно высказывалось мнение о том, что русск. *коромысло* — производное с суффиксом *-сло* ⁸³. Суффикс *-сло* — древний формант отглагольных имен, достаточно привести образования с ним из «Материалов» И. И. Срезневского — *масло*, *весло*, *число*, *сусло*, *поврѣсло*, *увасло*, *сѣвасло*, *прасло* ⁸⁴, — чтобы стало очевидно, что мы здесь имеем дело уже с праславянскими производными **maz-slo*, **vez-slo*, **čit-slo*, **sut-*

из неизданных томов Атласа: «Атлас русских народных говоров к западу от Москвы» [=т. V], карта № 358; «Атлас. . . к северу от Москвы», карты № 368, 369; «Атлас. . . северо-западных областей», карта № 150; «Атлас. . . к югу от Москвы [=т. IX], карта № 257. Диалектные и исторические сведения см. еще: А. П. Семенов а. Из склонения имен и местоимений по данным нижегородской письменности XVII века. «Статьи и исследования по русскому языку и языкознанию» (=«Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та имени В. И. Ленина», т. 450). М., 1971, стр. 178.

⁸² Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы і Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963, карта № 249.

⁸³ В г ü с к н е г, стр. 257; Н. М. Шанский. В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Указ.соч., стр. 213.

⁸⁴ Indeks a tergo do Materiałow do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Opracowały I. Dulewicz, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniak pod kierunkiem A. Obrębskiej-Jabłońskiej. Warszawa, 1968, стр. 217.

slo, **poverz-slo*, **uvez-slo*, **sъvez-slo*, **pred-slo*. Ясна и связь этих производных с соответствующими глаголами. Если мы, далее, заинтересуемся древнерусскими именами с исходом *-слъ*, то обнаружим только *-мыслъ* и сложения с ним (*замыслъ*, *премыслъ*, *розмыслъ*, *примыслъ*, *домыслъ*, *зломыслъ*, *промыслъ*, *умыслъ*, *съмыслъ* и т. п.⁸⁵), объясняемые особо, с которыми древнерусское *коромыслъ*, стоящее рядом в обратном словаре, не имеет, конечно, ничего общего, а также обнаружим знаменательное полное отсутствие парных образований на *-сло* и *-слъ*. Бесспорная первичность дублета *коромыслъ* и — наоборот — праславянская древность форманта *-slo* говорят о том, что перед нами разные образования с различными формантами. К тому же, нельзя назвать сколько-нибудь убедительно глагол, от которого могло бы быть образовано слово *коромысл* / *коромысло*, праслав. **kъrmyslъ*, поэтому приходится отвергнуть мысль о наличии здесь суффикса *-slo*, который предполагает отглагольность.

Всесторонне обосновав реконструкцию праформы **kъrmyslъ* / **съrmyslъ*, мы, однако, еще не решили вопроса о ее происхождении. Этот главный вопрос этимологии каждого слова в данном случае до конца сохраняет некоторую проблематичность, хотя критическое рассмотрение примера с названием коромысла кажется весьма поучительным случаем «трудной» этимологии и поэтому излагается нами подробно. Слово такой длины как **kъrmyslъ* может быть суффиксальным производным или двукорневым сложением. Совершенно очевидно наличие здесь древнего звуко сочетания **tъrt* / **tъrt*. Это само собой разумеющееся утверждение открывает, как кажется, перед нами дополнительные эвристические возможности. Необходимо решить вопрос о морфемном составе; следует ли членить слово как **kъr-myslъ* или как **kъrm-yslъ*? Сочетания согласных с плавным типа *tъrt*, *tъrt* обнаруживают в славянском ту особенность, что они всегда состоят из одной основы (в широком смысле слова, поскольку согласный, следующий за плавным, может быть суффиксом). Случаи членения *tъr-t*. . . нуждаются в особом объяснении и, насколько нам известно, не отражают древнего состояния, например русск. *кур-носый*, польск. *kur-dupel* 'карапуз', в которых состоялось стяжение, гаплоглогия первоначальных **kъrno-nosъ*, **kъrno-dup-*. Одноосновность сочетаний *tъrt*, *tъrt* закономерна, в ней прекрасно проявляется апофоническая природа этих сочетаний. Следовательно, единственно возможный морфемный состав нашего слова: **kъrm-yslъ*. Вторая морфема представляет собой суффиксальную группу *-ysl-*. Основу слова верно проэтимологизировал уже Брюкнер, связав ее с русск. *корма*, праслав. **kъrma*⁸⁶, во всяком случае предложить более удовлетворительное толкование было бы трудно. Его ошибочное выделение в слове

⁸⁵ Indeks a tergo. . . , стр. 255.

⁸⁶ B r ü c k n e r, стр. 257.

коромысло суффикса *-сло*, неприемлемое по изложенным нами выше причинам и не объясняющее всех особенностей слова *кором-ы-сло*, мы отвергаем. Но имеющееся у Брюкнера там же сближение также с украинским словом *корміга* ж. р. 'иго, ярмо, власть'⁸⁷ представляет для нас интерес и кажется ценным, поскольку **kъrmyslъ* может быть развитием некоего суффиксального **kъrm-ys-* (ср. блр. диал. *храсль* мн., *храсёл* м. р. 'гриб груздь' < **xres-l-*), которое могло дать и **kъrm-ux-a* (с переходом *s > x*) наряду с суффиксальным вариантом **kъrm-ug-a*. Предвидя скептическую реакцию на сближение двух как будто далеких семантических слов *корма*⁸⁸ и *коромысло*, напомним одно не совсем обычное значение слова *коромысло*, записанное в начале века в Новосильском уезде Тульской губернии для «Трудов Московской диалектологической комиссии» (см. обзор в начале заметки): 'кормовая веревка'.

Уже после того как была написана эта статья, автор ознакомился с работой Ф. Хинце «Die Namen Scharmützel, Schermützel, Zermützel, Schermeisel und ihre Deutung. Zugleich ein Beitrag zur Etymologie von ostslav. *коромысло* 'Wassertrage'» (ZfS XVII, 1972, стр. 19 и сл.). Ф. Хинце, опираясь на более раннюю статью Г. Поповской-Таборской «Kaszubskie čerep, č̣ṛṃěsḷě polską wersją czerepa i koromyseł» («Slavia Orientalis» 18, 1968, стр. 369—370), также неизвестную нам прежде, связывает русское слово с реликтовым прибалтийскословинским *č̣arṃěsḷě*, встреченным в словаре Сыхты. Немецкий ученый, правда, реконструирует праславянские варианты **kormyslo* и **č̣ermyslo*, тогда как мы пришли на основании изложенных выше доводов к другой концепции вокализма корня и конца основы этого слова, почему представилось целесообразным сохранить наш этюд в полном объеме.

⁸⁷ Гринченко II, стр. 285.

⁸⁸ Необходимо, разумеется, считаться и с эволюцией реалии, обозначаемой словом *корма* и первоначально, по-видимому, весьма примитивной.